

ЭТИКА ТЕХНОЛОГИЙ БЕЗОПАСНОСТИ И НАБЛЮДЕНИЯ

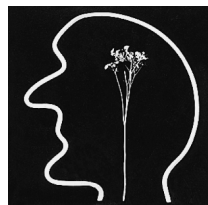
© 2015

Джорджо Агамбен

От редакции. Публикуемый текст представляет собой выступление итальянского философа на заседании круглого стола, проведенного в Брюсселе 18 сентября 2013 года Европейской группой по этике науки и новых технологий (EGE). Эта группа — независимая, плюралистическая и мультидисциплинарная структура, которая была учреждена в 1991 году. Она выполняет консультативные функции по этическим аспектам науки и новых технологий при Европейской комиссии — органе исполнительной власти Европейского союза.

Текст публикуется с разрешения Дж. Дратвы (Jim Dratwa) — главы секретариата EGE. Английский и французский тексты выступления Дж. Агамбена можно найти по адресу: http://ec.europa.eu/archives/bera/european-group-ethics/docs/publications/ege_roundtable_proceedings_security_surveillance.pdf

Когда я получил ваше приглашение, то моей первой мыслью было, что единственный уместный в этой ситуации ответ — прийти сюда и отмолчаться. Сегодня вопрос об этике в целом достиг такой стадии, когда само участие в дебатах выглядело бы существенной уступкой. Этика никогда не может сводиться к фактическому принятию бесчеловечной ситуации, чтобы установить для нее юридические ограничения. Представим себе, что после принятия Окончательного Решения была бы собрана группа экспертов, которые встретились за столом для обсуждения легитимности концентрационных лагерей и того, как сделать их менее бесчеловечными. Мы сочли бы этих людей глупыми к каким бы то ни было этическим аргументам. И все же мы знаем, что комиссии Красного Креста посещали некоторые лагеря и давали очень сдержанные советы именно такой направленности. Эти чиновники должны были бы попасть на скамью подсудимых наравне с начальниками лагерей, хотя, как и архитектора Освенцима (который учился в Баухаусе), их, вероятно, оправдали бы. Сегодня кажется, что профессиональная этика подразумевает не отказ творить что-либо антигуманное, но всего лишь делать это в соответствии с техническими

**ПЕРСПЕКТИВЫ
ГУМАНИЗМА**

**Агамбен
Джорджо
(р. 1942) —**

итальянский философ культуры и искусства, автор книг по политической и моральной философии, таких как “Грядущее сообщество” (1990), “Номос сасер. Что остается после Освенцима: архив и свидетель” (1998), “Что такое современность?” (2008) и др. Преподавал в Иезуитском колледже “International de Philosophie” в Париже (Франция), Университете Вероны (Италия), “Accademia di Architettura” Мендрицио (Швейцария). Он также был приглашенным лектором в Калифорнийском университете в Беркли (США) и “Университете Генриха Гейне” в Дюссельдорфе.

57

правилами профессии. Я говорю об этом потому, что именно сейчас известные архитекторы строят в Китае новые города, чтобы правительство поселило в них миллионы людей наперекор их воле, вышвырнув их из собственных домов и не задаваясь вопросом, насколько правомерно сотрудничество с тем, что нельзя назвать иначе, как депортация.

Очевидно, никто сегодня не согласился бы с подобными дебатами об Освенциме. Однако мы считаем приемлемым обсуждение ядерной проблемы, хотя некогда в будущем люди также могут счесть само такое обсуждение этической слепотой; впрочем, слепота в наши дни стала самым обыкновенным феноменом, особенно среди тех, кто провозглашает себя экспертами в биоэтике.

Я не верю, что в совершенно иной сфере, такой как управление людьми, оборот “по соображениям безопасности”, который мы постоянно слышим на самых разных европейских языках, может служить основанием для дискуссии. Но вместо того, чтобы просто оставаться безмолвным, я считаю своим долгом объяснить, почему отказываюсь вступать в такую дискуссию.

Прежде всего мы должны прояснить истинную цель мер безопасности, которые призваны не только предотвращать угрозы, проблемы или катастрофы, как кто-то может подумать. Для этого я должен кратко рассмотреть истоки концепции безопасности. Конечно, я не могу здесь представить полную историю этого понятия. К тому же эта проблематика мало исследована с исторической точки зрения, во-первых, потому, что не проводится различий между разными понятиями и мерами, и, во-вторых, потому, что эти меры рассматриваются вне контекста, в котором они применяются. В этой ситуации можно счесть оправданной попытку проследить истоки безопасности начиная с известного римского изречения “*salus publica suprema lex*” (“благо народа — наивысший закон”) и поместить ее историю в рамках того, что называется исключительным положением. Это приведет нас к обсуждению *senatus consultum ultimum* (декрета сената о чрезвычайных полномочиях) и римской диктатуры, принципа канонического права *necessitas legem non habet* (необходимость не признает законов), Комитетов общественного спасения времен Французской революции и Конституции 22 февраля VIII (1799) года, которая особо упоминала о “беспорядке, угрожающем государственной безопасности”, не говоря уже о печально известной статье 18 Веймарской конституции, послужившей юридическим основанием для прихода к власти нацистского режима, где определенно говорилось об общественной безопасности.

Это семейное древо, несомненно, является точным, но оно не помогает понять меры безопасности, которые хорошо знакомы нам сегодня. Исключительные меры касаются того, что по сути является временным положением дел. Они касаются непосредственной и реальной угрозы, которая должна быть устранена любым путем, с помощью временной приостановки гарантий закона, в то время как доводы о безопасности, о ко-

торых мы говорим сегодня, напротив, являются обычными и устойчивыми технологиями управления. Если мы хотим обсуждать исключительное положение, то должны рассматривать ситуацию, когда исключение сливается с правилом, как это было при нацистском режиме, который оставался совершенно легальным от начала и до конца, поскольку чрезвычайное положение, объявленное Гитлером на основании статьи 18 Веймарской конституции, никогда не было отменено.

Поэтому было бы предпочтительней последовать совету Мишеля Фуко и искать истоки безопасности в каком-то другом месте, в начале современной экономики, в теориях Франсуа Кенэ и физиократов, влияние которых на современное управление не следует недооценивать. Задолго до физиократов, примерно во время Вестфальского мирного договора (1648), великие абсолютистские государства начали принимать положение, согласно которому суверен должен гарантировать безопасность своих подданных. Однако именно после Кенэ безопасность (*security*) — или, как говорил сам Кенэ, защищенность (*safety*) — стала главной частью доктрины управления, причем, как мы увидим далее, в очень своеобразной форме. И сегодня для того чтобы понимать современное управление, надо прочесть статью “Зерно”, которую Кенэ опубликовал в энциклопедии. Это позволит также легко понять, почему Вольтер писал, что после появления этой статьи разговоры парижан от литературы и театра обратились к зерну и экономике.

Одной из главных проблем, стоявших в то время перед правительствами, была нехватка пищи и голод. До Кенэ они пытались противостоять голоду, организуя общественные запасы зерна и запрещая его экспорт, но эти превентивные меры часто оказывали обратный эффект на производство. Гениальный ход Кенэ состоял в том, чтобы развернуть уравнение наоборот: вместо того, чтобы пытаться предотвратить голод, правители должны его допустить и быть уверенными, что они в состоянии управлять им, когда тот возникнет, путем либерализации как внутренней, так и внешней торговли. Это возвращает нас к этимологическому — “кибернетическому” — значению слова “управлять” в смысле “рулить”: капитан судна не может избежать шторма, но он должен быть способен рулить кораблем, когда случится шторм.

Именно так следует понимать известное выражение, (ошибочно) приписываемое Кенэ, “*laisser faire, laisser passer*” (пусть все идет, как идет). Это не просто лозунг экономики либерализма: это парадигма управления, которая определяет безопасность (Кенэ писал о “защищенности фермеров и трудящихся (батраков)”) не как предупреждение проблем и бедствий, несчастий, но как способность справляться с ними надлежащим образом, когда они случаются.

Мы не должны недооценивать философскую значимость этого сдвига. По сути, это момент водораздела в самой идее управления, который переворачивает сами традиционные иерар-

ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИЗМА

хические отношения причины и следствия: поскольку бессмысленно и дорого управлять причинами, целесообразнее и вернее управлять следствиями. На основании этого мы можем установить аксиому: *старый режим* пытался управлять причинами, тогда как современные правительства претендуют на то, чтобы управлять следствиями. Я не думаю, что мы можем игнорировать важность этой аксиомы, так как это есть та самая парадигма, которая управляет нашим обществом в целом, от экономики до окружающей среды и от международной и оборонной политики до внутренней безопасности и поддержания порядка. Современность управляет не причинами, а следствиями.

Эта аксиома позволяет нам иначе понять необъяснимый факт, что парадигма абсолютного экономического либерализма сосуществует с парадигмой беспрецедентного государственного контроля безопасности. Если внимание правительства сосредоточено на следствиях, а не на причинах, то очевидно, что контроль должен быть расширен и умножен.

Два примера. С одной стороны, питьевая вода. Хотя мы знаем, что во многих частях мира скоро наступит ее дефицит, ни одна страна не проводит какой-либо серьезной политики, нацеленной на избегание лишних трат. В то же время в некоторых странах мы можем наблюдать все больше и больше технологий и заводов по обработке водных отходов (загрязненной воды), которые станут большим бизнесом в ближайшие годы.

С другой стороны, биометрия — один из наиболее настоящих аспектов современных технологий безопасности.

Биометрия появилась в XIX веке во Франции благодаря Альфонсу Бертильону, изобретателю системы фотографической идентификации и антропометрических измерений, которые вместе сформировали его известный “словесный портрет”. В скором времени после этого в Англии кузен Ч. Дарвина Фрэнсис Гальтон, поклонник Бертильона, разработал технологию отпечатков пальцев (которая, что весьма удивительно, предназначалась для применения к колониальным туземцам, казавшимся европейскому глазу неотличимыми друг от друга). Однако очевидно, что эти технологии не предупреждают преступления, но лишь позволяют идентифицировать тех, кто совершает повторные преступления. В очередной раз мы видим парадигму безопасности физиократов: эффективно вмешиваться можно только после того, как преступление совершено.

Долгое время антропометрические методы применялись исключительно к рецидивистам, для которых они и были разработаны. Еще в 1943 году Конгресс США отклонил Акт об идентификации, имевший цель ввести идентификационные карты с отпечатками пальцев для всех граждан. Но закон природы таков, что любая мера, придуманная для преступников, иностранцев или евреев, рано или поздно станет применяться к каждому индивиду, так что технологии, разработанные для рецидивистов, в течение XX века были распространены на все население. Идентификационные фотографии, иногда сопро-

вождаемые отпечатками пальцев, оказались, таким образом, частью удостоверяющего личность документа (компактной формы карточки Бертильона), который постепенно стал обязательным по всему миру.

Однако заключительный шаг в этом направлении был сделан совсем недавно, и он все еще не доведен до конца. Благодаря развитию биометрических технологий, которые могут быстро просканировать отпечатки пальцев или структуру сетчатки и радужной оболочки глаза при помощи оптических сканеров, биометрия начинает выходить за рамки полицейских участков и офисов иммиграционной службы, чтобы стать частью повседневной жизни. В некоторых странах студенты должны пронести свои руки над биометрическим устройством, чтобы войти в столовую, в среднюю или даже начальную школу. Биометрическая индустрия, которая распространяется как лесной пожар, исходит из того, что людям должна быть дана возможность привыкнуть к биометрии с как можно более раннего возраста.

Новая французская биометрическая идентификационная карта, которая уже на подходе, будет, как ожидается, иметь электронный чип с идентифицирующими элементами (отпечатками пальцев и цифровой фотографией). Возможно, возражения комиссии, подобной вашей, замедлит ее внедрение, но общее течение неумолимо влечет западную демократию к записи ДНК всех ее граждан как для целей безопасности и предупреждения преступлений, так и из соображений общественного здоровья.

Было подано много различных голосов против угрозы абсолютного и неограниченного контроля правительства, которое располагает биометрическими и генетическими данными своих граждан. При наличии такой власти истребление евреев (или любой другой воображаемый геноцид), которое проводилось на основе несравнимо менее эффективных баз данных, было бы полным и чрезвычайно быстрым. И особый идиотизм — говорить, что это невозможно в условиях современной демократии, если учитывать непостоянство и чрезвычайную моральную развращенность наших правящих классов.

Я предлагаю вам рассмотреть другой тревожный факт: нынешнее законодательство по безопасности в европейских странах в некоторых отношениях намного более строгое, чем было в фашистских государствах XX столетия. В Италии, где я живу, простое сравнение показывает, что большинство положений TULPS, “Сводного закона об общественной безопасности”, принятого фашистским режимом в 1926 году, остается в силе до сих пор. Однако антитеррористические законы, принятые в “свинцовые годы” (конец 1970-х — 1980-е), уменьшили гарантии, данные тем законом. Поскольку антитеррористическое законодательство во Франции строже, чем в Италии, я полагаю, что сравнение с фашистскими законами дало бы такой же результат.

Это важный аспект вопроса о безопасности, однако не его я хотел бы обсуждать здесь, поскольку я думаю, вы уже достаточ-

ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИЗМА

но осведомлены о данных фактах. Вместо этого я хочу поделиться размышлением, которое касается изменения политических отношений под влиянием мер безопасности. Эти изменения настолько чрезвычайны, что мы можем спросить себя: не только могут ли все еще наши общества называться “демократическими”, но даже (и в особенности) могут ли они все еще рассматриваться как политические.

Кристиан Мейер показал, как в V веке до н.э. в Греции политические представления были изменены посредством “политизации” гражданства. Если до того принадлежность к городу (*полису*) была связана прежде всего с тем или иным социальным статусом и положением (аристократы, духовенство, крестьяне, купцы, магнаты и те, кто им обязан, главы семейств и т.д.), то теперь гражданство само по себе стало критерием социальной идентичности.

Как писал Мейер: “Специфически греческая политическая идентификация гражданства, в соответствии с которой предполагалось, что индивиды должны действовать как граждане, была институционализована. Принадлежность к религиозным, экономическим и прочим сообществам стала вторичной. В той степени, в которой граждане в демократии посвящали себя общественной жизни, они рассматривали себя как членов *полиса*. *Полис* и *политейя*, город и гражданство определяли друг друга. Гражданство, таким образом, стало деятельностью и способом жизни, в которой город (*полис*) образовывал сферу, отличную от дома (*ойкоса*). Политика, таким образом, стала публичным пространством, отличным от частной сферы, которая управлялась необходимостью”.

Согласно Мейеру, этот процесс политизации, специфичный для Греции, был завещан западной политике, где гражданство — естественно, с изменениями и отклонениями — осталось решающим фактором.

Именно этот главный политический фактор медленно, но необратимо разрушается в результате того, что было бы справедливо назвать процессом деполитизации. Изначальное состояние активной и безусловной политизации уступает чисто пассивному состоянию, когда действие и бездействие, публичная и частная жизнь оказываются в одной куче. Этот процесс деполитизирующегося гражданства настолько очевиден, что я больше не стану на нем останавливаться.

Гипотеза, которую я предлагаю, состоит в том, что меры безопасности играют в этом процессе решающую роль. Распространение на всех граждан идентификационных технологий, разработанных для преступников (и позднее для евреев), не могло не повлиять на политическую идентичность граждан. Впервые в истории человечества идентичность определяется не социальными “личностями” и их признанием, именем и репутацией, а биологическими факторами, которые совершенно не связаны с ранее названными, такими, как ничего не значащие чернильные кривые, оставленные большим пальцем на поли-

цейской учетной карточке, или порядок генов в двойной спирали ДНК. Наиболее нейтральная и приватная информация становится носителем социальной идентичности, которая тем самым теряет свой публичный характер.

Но если моя идентичность теперь полностью определяется биологическими факторами, которые я не способен для себя выбрать и над которыми я вообще не имею контроля, то становится трудно конструировать что-либо похожее на политическую идентичность. Какие отношения я могу установить с моими отпечатками пальцев или моим геномом? Эта новая идентичность есть идентичность без личности, где этическая и политическая сферы, к которым мы привыкли, становятся бессмысленными и должны быть пересмотрены с начала до конца. Если греческий гражданин определял себя с помощью дихотомии “приватного — публичного”, между домом — местом воспроизводства жизни, и городом — местом политики, то современные граждане, по-видимому, движутся в направлении безразличия между публичной и частной жизнью или, в терминах Гоббса, между телом природным и телом политическим.

Видеонаблюдение на улицах и площадях наших городов является материальной манифестацией этого безразличия. Мера, первоначально предназначенная для тюрем и банков, постепенно расширена до публичных мест. Однако же очевидно, что сфера, находящаяся под видеонаблюдением, более не является *агорой*, она более не имеет публичного характера или, скорее, становится зоной неопределенности между публичным и частным, между тюрьмой и форумом.

Эта трансформация — сложный феномен с множеством причин, среди которых играют существенную роль сползание современной власти в биополитику и озабоченность жизнью. Несомненно, именно благодаря превращению начала жизни в центральную тему политики физическая идентичность занимает главенствующее положение по отношению к политической идентичности. Однако мы не должны забывать, что социальная идентичность первоначально была сведена к телесной идентичности с намерением идентификации преступников-рецидивистов и опасных индивидов. Поэтому нет ничего удивительного, что мы как граждане принимаем подозрение, профилирование и проверки как совершенно нормальную форму отношения к нам государства. Неявное допущение, которое я рискну здесь озвучить, состоит в том, что каждый гражданин — как живое существо — это потенциальный террорист. Но какого рода государство, какого рода общество управляемо такой аксиомой? Можно ли его по-прежнему определять как демократическое или даже как политическое общество?

Вы без сомнения знаете, что Мишель Фуко в серии своих лекций в Коллеж де Франс и в книге “Надзирать и наказывать” установил базовую классификацию современных государств. Фуко объяснил, как государства *старого режима*, определяемые через территорию и суверенитет, девизом которых

ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИЗМА

было “заставить умереть или позволить жить”, постепенно превратились в государства населения и дисциплины, девизом которых, напротив, стало “заставить жить и позволить умереть”, потому что они заботились о жизни своих подданных, чтобы превратить их в послушные и дисциплинированные тела.

Ясно, что государства, в которых мы сегодня живем, не являются государствами дисциплины. Жиль Делез предложил термин “государство контроля”, поскольку цель его не порядок и дисциплина, а управление и контроль. Это определение, несомненно, очень точно, так как управление и контроль не обязательно совпадают с порядком и дисциплиной. Итальянский офицер полиции, который сказал после беспорядков в Генуе в июле 2001 года, что правительство хочет не того, чтобы полиция поддерживала порядок, а того, чтобы она управляла беспорядком, даже не знает, насколько он был прав.

Американские правоведы, которые пытались проверить конституционные изменения, вызванные Патриотическим актом и законами, последовавшими за сентябром 2001 года, предпочитают говорить о “безопасном государстве”. Но что в этом случае означает безопасность? Интересно взглянуть на то, как на протяжении Французской революции понятие безопасности (или, в терминологии того времени — защищенности) было связано с понятием полиции. Законы от 16 марта 1791 года и от 11 августа 1792 года ввели во французское законодательство понятие “полиции защищенности” или “полиции безопасности”, которые продолжают существовать и в наше время. Если мы взглянем на дебаты, предшествовавшие принятию этих законов, то увидим, что понятия полиции и безопасности определялись одно через другое, но ни один из выступавших (включая Жансонне, Эро де Сешеля и Бриссо) не смог предложить определение “полиции” либо “безопасности”.

Эти дебаты касались прежде всего места полиции по отношению к правосудию и судебной власти. Жансонне утверждал, что это “две совершенно различные и отдельные сферы”, и хотя роль судебной власти ясна, определить роль полиции по отношению к правосудию невозможно. Анализ выступлений этих представителей показывает, что роль полиции неопределима и должна оставаться таковой, поскольку если бы деятельность полиции была полностью отнесена к правосудию, она более не смогла бы существовать. В этом и заключается известная “свобода действий”, которая по-прежнему характерна для работы полицейских. Они, сталкиваясь с особой ситуацией, угрожающей общественному порядку, действуют как единственные арбитры. Однако полицейские не принимают решений так, как это делают судьи; и они не готовят решений для судей, как они часто говорят без каких-либо оснований. Всякое решение подразумевает причины, тогда как роль полиции заключается в том, чтобы действовать в соответствии с обстоятельствами, а это неразрешимая ситуация.

Эту неразрешимость более не называют, как в XVII веке, “государственными соображениями”, но “соображениями безопасности”. Таким образом, “безопасное государство” — это полицейское государство, но определение “полиции”, к сожалению, остается черной дырой в доктрине общественного права. В XVIII веке, когда во Франции появился трактат Деламара “О полиции”, а в Германии — фон Юсти “Вся наука полиции”, термин “полиция” вернулся к своей этимологии (от *политейя*) и все чаще характеризовался как подлинная суть политики, а слово “политика” стало относиться только к иностранным делам. Фон Юсти определял политику как отношение государства к другим государствам, а полицию — как отношение государства к самому себе. Я предлагаю вам задуматься над этим определением: “полиция — это способ, которым государство относится к самому себе”.

Таким образом, мы можем предложить гипотезу, согласно которой современное государство, обращаясь к теме безопасности, оставляет сферу политики позади себя как безлюдную землю. Ее географию и границы мы едва ли можем различить, для ее анализа у нас нет необходимых понятий. Однако мне кажется очевидным, что такое государство, само название которого этимологически выводится из отсутствия заботы (*securus = sine cura*), в действительности может только заставить нас стать более озабоченными относительно угрозы, которую оно несет для демократии, поскольку оно делает невозможной политическую жизнь. А, по крайней мере в нашей традиции, демократия и политическая жизнь — это синонимы.

Сталкиваясь с таким государством, мы должны полностью переосмыслить традиционные стратегии политических конфликтов. Парадигма безопасности подразумевает, что любой конфликт и какая-либо более или менее насильственная попытка свержения государства оказываются для него только возможностью служить собственным интересам, управляя следствиями. Это показано диалектикой, которая связывает вместе терроризм и ответные реакции государства в почти бесконечную своекорыстную спираль. Современная политическая традиция представляла радикальные политические изменения в форме революций, действующих в качестве учредительной власти нового конституционного порядка. Я полагаю, что пришло время отказаться от этой парадигмы и представить что-нибудь наподобие совершенно беспомощной власти, которую нельзя обмануть догмой о безопасности любой ценой. И если бы я попытался представить здесь и теперь вариант такой беспомощной власти, я предложил бы уйти в отставку всем членам Европейской группы по этике в знак протеста против доминирующей в Европе политики безопасности. Это чистая фантастика, но я считаю это единственным адекватным средством показать несовместимость демократии с безопасным государством.

© 2015 В. ЛАНОВСКИЙ
Перевод с английского